

В.В. БАРАНОВА, К.С. ФЕДОРОВА

**(НЕ)ВИДИМОСТЬ
И (ВНЕ)НАХОДИМОСТЬ:****ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ И ЯЗЫКОВОЙ ЛАНДШАФТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**Urban Studies and Practices Vol.2 #1, 2017, 103-121
<https://doi.org/10.17323/usp212017103-121>**Введение**

Языковой аспект миграционных процессов в современном городском пространстве в настоящее время не только представляет собой отдельную область социолингвистических исследований, но и может служить индикатором более широких социальных процессов и тенденций (см.: [Piller, 2016]), в частности, свидетельствовать об отношениях, складывающихся между мигрантами и принимающей стороной.

Цель данной статьи двойная: во-первых, проанализировать языки мигрантов в петербургском языковом ландшафте, и, во-вторых, рассмотреть вопрос о том, насколько социолингвистические данные дают возможность оценить место мигрантов в социальной структуре Петербурга. Для этого мы, в частности, рассмотрим, какие языки используются, где они представлены, на кого направлена коммуникация и от кого исходит информация, а затем соотнесем эти данные с социологическими описаниями мигрантов в российских городах, что позволит оценить возможности исследования языкового ландшафта как метода в миграционных исследованиях.

Визуальное присутствие, равно как и значимое отсутствие в городском пространстве языков, используемых в повседневном общении значительной частью населения современного Петербурга, является важным свидетельством того, как устроено публичное городское пространство, что считается в нем уместным, а что недопустимым, какие ограничения на письменную коммуникацию накладываются распространены в обществе представления о языке и отношение к языковому разнообразию.

Анализируемые в статье данные получены в ходе полевой работы в 2016 г. в нескольких микрорайонах Санкт-Петербурга. В качестве

Баранова Влада Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Седова, д. 55, корп. 2.

E-mail: vbaranova@hse.ru

Федорова Капитолина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге; Российская Федерация, 191187 Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 3

E-mail: fedorova@eu.spb.ru

В статье рассматривается современный языковой ландшафт Санкт-Петербурга с точки зрения представленности языков проживающих в нем мигрантов из Средней Азии и Китая. Исследования языкового ландшафта традиционно воспринимаются лингвистами как действительное отражение языковой ситуации в том или ином регионе. Однако реальное многоязычие, возникающее, в частности, в результате миграций в крупные города, не всегда находит непосредственное воплощение в языковом ландшафте, так как этому могут препятствовать как официальная языковая политика, так и языковые представления и идеологии, свойственные большинству населения. В статье данные, полученные в ходе полевой работы в 2016 г. в различных частях Санкт-Петербурга (Девяткино, Парнас, Апраксин двор), анализируются с точки зрения направления коммуникации, сфер, в которых оказывается возможным использование языков мигрантов, а также степени их публичности и видимости в городском пространстве. В результате на основе изучения письменной коммуникации в публичном пространстве (вывески, объявления, указатели и т.п.) оказывается возможным не только получить информацию о существовании в Санкт-Петербурге тех или иных языков, но и оценить ту роль, которую они вынуждены играть, и те языковые идеологии, прежде всего установку на моноязычие и неприятие языкового разнообразия, которые стоят за режимами публичного использования языков.

Ключевые слова: языковой ландшафт; языки мигрантов; языковое разнообразие; языковая политика; отношение к языку

методологической основы исследования использован этнографический анализ языкового ландшафта (ethnographic linguistic landscape analysis, ELLA [Blommaert, Maly, 2014]), в рамках которого письменная коммуникация рассматривается не как синхронное количественно исчисляемое отражение наличной язы-

ковой ситуации, а как часть коммуникативного процесса, тесно связанного с социальными условиями, в которых он протекает, и осуществляющими его акторами.

Статья организована следующим образом: вначале рассматривается понятие языкового ландшафта и его возможности для анализа миграционных процессов. Затем приводится краткий обзор исследований миграционных процессов с точки зрения городского пространства с акцентом на специфику российских городов и поля в Санкт-Петербурге. Следующий раздел посвящен описанию особенностей полевой работы и характеристике полученных данных. Затем рассматриваются полученные результаты по микрорайонам в отдельных подразделах. Полученные результаты обобщаются и осмысливаются в разделе «Дискуссия», в котором они также сопоставляются с существующими аналогичными исследованиями в других регионах. Наконец, в заключительном разделе суммируются выводы исследования и намечаются перспективы дальнейшей работы.

Что может дать анализ языкового ландшафта для исследований миграции?

Языковой ландшафт (linguistic landscape) — понятие, включающее всю совокупность визуального существования языка (и различных языков) в пространстве. Это любые указатели, рекламные щиты и плакаты, вывески, объявления, граффити, таблички с названиями улиц, районов, населенных пунктов и т.п., на которых в той или иной графике, с использованием тех или иных визуальных средств представлена различная информация, выраженная посредством языка.

Первые исследования языкового ландшафта [Landry, Bourhis, 1997] акцентировали внимание на том, что наблюдения за пространственным существованием языка могут послужить своего рода диагностическим инструментом для социолингвиста, позволяющим понять, какие языки используются в том или ином районе. Как будет показано ниже, в Санкт-Петербурге возникают объявления на узбекском и китайском языках. Это является, безусловно, диагностикой присутствия или значительной численности этих групп, однако не менее интересно то, что другие языковые группы не репрезентированы в языковом ландшафте.

Исследования в различных городах и регионах (см., например: [Gorter, 2006; Gorter et

al., 2012; Shohamy et al., 2010]), и особенно в современных мегаполисах, так называемых глобальных городах с присущим им «суперразнообразием» (superdiversity) [Blommaert, Rampton, 2011; Ben Rafael, Ben Rafael, 2016], показали, что многоязычие полиэтничного населения накладывает отпечаток на визуальную языковую среду и превращает ее в важный источник информации о том, как происходит взаимодействие между различными этническими и социальными группами и как они рассредоточены в городском пространстве, а также как изменяется ситуация во времени, что очень важно для изучения миграционных процессов. Для понимания языкового ландшафта Санкт-Петербурга важно, что присутствие языков мигрантов в публичном пространстве вызывает то или иное отношение у принимающего сообщества, становясь важным фактором в развитии социальной ситуации.

Исследование языковых практик мигрантов предполагает, что во взаимодействии участвует несколько языков, хотя какой-то из языков мигрантов может превалировать, как, например, турецкий в Генте [Blommaert, Maly, 2014]. Более того, коммуникация может осуществляться на многих языках одновременно — это так называемые стратегии транслангвизма (translanguaging), или метролингвизма (metrolingualism), когда различные языки и элементы языков свободно задействуются говорящими потому, что стали неотъемлемой частью их речевого репертуара и множественной идентичности [Otsuji, Pennycook, 2009]. Становится ли какой-то еще язык, кроме русского, лингва франка среди мигрантов?

При изучении языкового ландшафта важно учитывать, на кого ориентированы графические сообщения. В зависимости от ориентации на двуязычных носителей или группы с разными родными языками вывески на двух и более языках могут дублировать содержание друг друга или привносить дополнительную информацию [Backhaus, 2007]. Языки мигрантов в европейских и американских городах зачастую не только служат для коммуникации внутри мигрантского сообщества, но и становятся своего рода «вывеской», формой репрезентации сообщества вовне. Так, широкое распространение этнической кухни и товаров (одежды, украшений, продуктов питания и т.д.) ведет к тому, что вывески и реклама с использованием языков меньшинств превращаются в средство мар-

кетинга, привлечения не только «своей», но и «внешней» аудитории — представителей языкового большинства [Troyer et al., 2015]. Сходным образом складывается языковой ландшафт в туристических зонах, когда информация для туристов дублируется на английском или другом распространенном языке [Bruyèl-Olmedo, Juan-Garau, 2010].

Как в городском пространстве пересекаются официальная языковая политика «сверху» и «народная» языковая политика, агентами которой выступают простые носители языка?¹ Очевидно, что языковой ландшафт неоднороден, в нем сосуществуют: официальные знаки, указатели и таблички фабричного изготовления, регулируемые государственными органами; коммерческая реклама различной степени профессиональности (от гигантских билбордов до распечатанных на черно-белом принтере листовок и объявлений на асфальте); частные объявления (в том числе и рукописные); граффити².

Таким образом, исследование языкового ландшафта позволяет не просто оценить языковую ситуацию в конкретном населенном пункте, но и получить представление о режимах использования языков [Blommaert, 2013] и конфигурации отношений между их носителями.

Миграция и городское пространство: особенности российских мегаполисов

Глобальные города немислимы без мигрантов и их невидимого труда [Sassen, 1991], неизбежно трансформирующих городское пространство. Трансграничная миграция привносит новое как в практики самих мигрантов, так и в культуру принимающего сообщества. Мигранты способствуют изменению городской среды, включаясь в функционирование публичных пространств: парков, улиц, рынков и др. [Vertovec, 2011; 2015].

Влияние миграции на городскую среду на протяжении нескольких десятилетий рассматривается с точки зрения формирования

этнических районов [Massey, Denton, 1988; Massey, 2012]. В результате пространственной сегрегации мигрантов формируются этнические анклавов, откуда не могут выбраться мигранты, не обладающие существенными экономическими ресурсами и социальным капиталом. В то же время некоторые исследователи подчеркивают, что этнические кварталы или пригороды сами становятся источником социального капитала для мигрантов, не стремящихся сменить недорогой район со знакомыми условиями. По крайней мере для части населения проживание в этническом анклавов оказывается выгодным (например, для работников-мужчин, но не для женщин в нью-йоркском Чайна-тауне [Zhou, Logan, 1989], для ранних волн кубинских беженцев и их детей [Portes, Shafer, 2007]).

Распределение мигрантов в российских городах не позволяет говорить о формировании этнических анклавов. В Москве не происходит формирования ярко выраженных этнических районов, и мигранты расселяются в разных районах города в соответствии с ценами на аренду жилья [Вендина, 2005; 2009], ориентируясь, прежде всего, на близость к месту работы [Деминцева, Пешкова, 2014], хотя возникают, по-видимому, дополнительные барьеры при аренде жилья для мигрантов, связанные со статусом места [Вендина, 2009, с. 54]. Проживание в одном квартале не является постоянным — мигранты достаточно часто переезжают. Различные институции, ориентированные на мигрантов (кафе, медицинские центры и проч.), расположены по всему городу [Пешкова, 2015].

В Санкт-Петербурге отдельные исследования расселения мигрантов не проводились, но наблюдения, сделанные в ходе ряда проектов в 2009–2016 гг., показывают, что здесь также не складывается этнических районов или кварталов. Косвенными показателями распределения мигрантов в разных районах могут быть сведения об учениках без гражданства и учениках разных этнических групп в школах Санкт-Петербурга [Александров, Кондратьев, 2013], также свидетельствующие о том, что нет тенденции к формированию этнических анклавов. Из вышесказанного не следует, что сегрегация не происходит, однако она носит не этнический, а социальный характер: социальная стратификация и имущественная поляризация способствуют сегрегации российских городов [Вендина, 2009].

1 Современное понимание языковой политики не ограничивает ее сферой государственного регулирования, законами и нормативными документами, а также работой по кодификации языка со стороны профессиональных лингвистов. Для него характерен интерес ко всем участникам процесса, включая рядовых пользователей языка. См. об этом [Ricento, 2006; Spolsky, 2009].

2 О специфике граффити и его роли в языковом пейзаже см. в [Pennycook, 2010; Blommaert, 2016].

Другая особенность процессов сегрегации в российских условиях — микрорайонирование. На примере Санкт-Петербурга видно, что в городе практически нет однородных по социальному составу и ценам на недвижимость районов (за единичными исключениями, такими как Крестовский остров). В большинстве центральных и старых спальных районов города чередуются дома или кварталы с невысокой стоимостью и более престижное жилье³. Соответственно, внутри дома или квартала будут перемешаны представители разных этнических групп и небогатые местные жители.

Особый интерес в подобных условиях представляет вопрос о том, как складывается механизм сегрегации в новых районах города, застраиваемых практически «с нуля», так что все обитатели (уроженцы других районов города или внутренние и внешние мигранты) оказываются новыми жителями. Для анализа того, как формируются устойчивые паттерны распределения языков на примере языкового ландшафта внутри новых кварталов и как они соотносятся со сходными процессами в старых районах, были выбраны два новых района и один старый.

Данные и метод сбора материала

Для изучения представленности языков мигрантов в городском пространстве Петербурга было необходимо провести сбор визуального материала в тех районах города, где вероятность появления письменной коммуникации не на русском языке наиболее высока, т.е. там, где среди жителей и/или работников высок процент трудовых мигрантов. Хотя устойчивых районов с заселением преимущественно этническому принципу в Санкт-Петербурге не формируется, однако в различных частях города мигранты представлены неравномерно.

³ Например, в новой части Адмиралтейского района (метро «Нарвская», ул. Бумажная) среди советской массовой застройки присутствуют новые дома (точечная застройка, огороженная территория, относительно высокая стоимость), а также расселенное общежитие, служившее жильем для мигрантов во время полевой работы одного из авторов в рамках исследований Лаборатории социологии образования и науки НИУ ВШЭ в 2009 г. Жизнь обитателей расселенного дома и соседней новостройки практически не пересекается.

Для анализа было выбрано три объекта: два микрорайона недавней застройки на границах города и микрорайон в центре города:

1. Девяткино (Калининский район и п. Бугры Ленинградской области, станция метро и железнодорожная платформа Девяткино).

2. Парнас (Приморский район, станция метро «Парнас»).

3. Рынок «Апраксин двор» и прилегающие к нему улицы и дворы (Адмиралтейский район, станция метро «Сенная»).

Выбор именно этих районов продиктован количеством проживающих и работающих в них мигрантов по данным предварительных наблюдений авторов, а также стремлением рассмотреть, как мигрантские практики, с одной стороны, вписываются в центр города, а с другой — формируют новую среду в микрорайонах, возникших в последние годы. Парнас и Девяткино — районы активной многоэтажной недорогой застройки, создающей рабочие места для мигрантов. Торговля на рынках вокруг Сенной площади — Сенном рынке и Апраксином дворе — популярное место работы представителей разных этнических групп РФ и мигрантов из других стран, многие работники арендуют недорогое жилье поблизости от рынка. Таким образом, обследуемые микрорайоны в равной мере являются центрами притяжения для мигрантов, однако этнический состав и тип их занятости различаются: в новых микрорайонах преобладают строители из Средней Азии, тогда как вокруг Апраксина двора живут приезжие с Кавказа, из Китая и Вьетнама, занятые в торговле.

Перед тем как перейти к изложению результатов этнографического наблюдения, необходимо сделать несколько уточнений по процедуре сбора данных и указать на определенные ограничения данного исследования. Серия этнографических наблюдений проходила в сентябре — декабре 2016 г. и предполагала фиксирование в дневнике, обсуждение и фотографирование вывесок, указателей, объявлений, рекламных плакатов, ценников в магазинах, меню в кафе и закусочных, на языках, отличных от русского или на русском с использованием специфических визуальных средств.

В ходе полевой работы фиксировались знаки, вывески и надписи различной природы и степени профессиональности/официальности: вывески и витрины магазинов, кафе, парикмахерских, отделений банков и других коммерческих заведений; ценники,

меню и объявления внутри заведений; административные указания внутри торговых центров и различного рода временные или постоянные таблички; рекламные объявления, в том числе временная нелегальная реклама, нанесенная на стены или асфальт по трафарету, рекламные листовки на столбах и других поверхностях, написанные от руки объявления. При этом, однако, не рассматривались традиционные для анализа языкового ландшафта официальные знаки, поскольку они содержат только русский язык, к которому дополнительно в центре города могут добавляться транслитерация или перевод на английский язык. Какие именно вывески дублируются, где проходит граница районов с репрезентацией для туристов и каковы принципы транслитерации и перевода — все это интересные вопросы для анализа, однако непосредственно не связанные с коммуникацией с мигрантами, и потому соответствующие элементы языкового ландшафта оказались за пределами данного исследования.

Еще одно уточнение связано с количественным анализом данных. В работах по языковому ландшафту нередко используют количественные методы, например, считают и сопоставляют количество вывесок на миноритарных языках на определенной улице или в том или ином районе. Однако в последние годы подобная методология, фокусирующаяся на синхронной механической фиксации и игнорирующая этнографическую составляющую графической коммуникации, подверглась обоснованной критике [Blommaert, 2016b]. Кроме того, для наших материалов количественный подход не имеет особого смысла: забегая вперед, надо сказать, что интересные языки практически не представлены на постоянных вывесках и изготовленных промышленным способом объявлениях, поэтому будут рассматриваться вывески на русском, тем или иным способом репрезентирующие этнический статус заведения, а также достаточно редко встречающиеся элементы публичной коммуникации на языках мигрантов, не являющиеся при этом названиями, уличными витринами заведений или постоянными объявлениями.

При анализе мы учитывали не только язык сообщения, но и выбор графики для используемого языка и визуальные средства — символические изображения, цветовое решение, выбор шрифтов и т.д. Мы отмечали в дневнике и на фото, в равной ли степени представ-

лены языки в двуязычных объявлениях и как они расположены относительно друг друга.

К сожалению, выбранный метод — наблюдение и фотофиксация — не позволяет в полной мере понять, используют ли информацию вывесок на узбекском языке носители других тюркских языков, как и в целом прояснить рецепцию объявлений на узбекском мигрантами. В дальнейшем мы предполагаем интервью с комментариями мигрантов к нашим фотоматериалам⁴.

Предполагавшиеся в начале полевой работы различия районов Девяткино и Парнас оказались менее существенными с точки зрения языкового ландшафта, поэтому далее данные по этим двум районам рассматриваются вместе. Из многочисленных этнических групп, представленных в Апраксином дворе, наибольший интерес представляют китайские заведения и соответствующие элементы языкового ландшафта, поэтому этот кейс будет рассмотрен подробнее.

Результаты

Девяткино и Парнас

Как отмечалось ранее, Парнас и Девяткино (рис. 1, 2⁵) были выбраны не только по причине значительной доли видимых меньшинств, но и для анализа того, как складываются практики освоения и организации пространства сквозь призму языкового ландшафта на новом месте, лишенном прежних символов. Хотя современные жилые комплексы возникли поблизости от застроенных ранее территорий (например, дер. Мурино и железнодорожной станции Девяткино), предыдущая история практически не отражена в дискурсе новых жителей и их практиках, а пространства осмысляются во многом как чистое поле — своего рода *tabula rasa* в городе. Соответственно, можно наблюдать, как складываются практики взаимодействия трудовых мигрантов и других видимых меньшинств между собой и с другими жителями и как языковое многообразие района отражается в языковом ландшафте.

4 Мы благодарим за это методологическое предложение одного из анонимных рецензентов журнала.

5 Фотографии сделаны авторами, кроме рис. 5, сделанного для нас К.В. Викторовой. Пользуемся возможностью поблагодарить коллегу.

Фото © Влада Баранова, Капитолина Федорова

Рис. 1. Район Парнас, Санкт-Петербург

Фото © Влада Баранова, Капитолина Федорова

Рис. 2. Район Девяткино, Санкт-Петербург

Осмысление места этих новых районов в общегородской структуре как в рамках академического урбанистического дискурса, так и в среде горожан еще только начинается. Высота зданий и плотность застройки на фоне отсутствия инфраструктуры могут привести к социальным проблемам в районе. В 2016 г. в «Северной Долине» (Парнас) проживало 30 тыс. человек, к окончанию строительства планируется около 80 тыс. жителей [Бредникова, Запорожец, 2016, с. 106], хотя эта цифра отражает количество покупателей, а не реально проживающих жителей, поскольку оба района относятся к числу тех, где покупают инвестиционные квартиры для дальнейшей сдачи в аренду. Часть квартир в строящихся комплексах Парнаса передаются городу для распреде-

ления среди стоящих на очереди, многодетных семей и семей военнослужащих.

Выбранные кейсы во многом близки между собой, однако обладают некоторыми различиями. Основная часть застройки Парнаса осуществляется в рамках многолетнего проекта одной компании «Северная долина» (другие жилые комплексы составляют незначительную часть новостроек вокруг метро «Парнас»), тогда как в Девяткине нет одного ключевого игрока, и разные девелоперы разрабатывают небольшие участки под застройку. Стоимость жилья при покупке и аренде квартир в обоих районах относительно невелика, хотя в районе Парнас несколько выше за счет городской принадлежности и близости к метро, поскольку жилые кварталы компактно расположены рядом с одноименной станцией «Парнас», тогда как отдаленная часть района Девяткино относится к п. Бугры Ленинградской области, т.е. предполагает областную прописку и поездку на транспорте до метро «Девяткино»⁶. Отнесение к Ленинградской области означает, что объекты инфраструктуры, кроме тех, что запланированы застройщиком, также должны финансироваться из областного бюджета, а не из обладающего большими возможностями городского. В целом, хотя введение инфраструктурных объектов (детских садов, школ и поликлиник) запаздывает по отношению к темпам строительства жилого комплекса, на Парнасе ситуация несколько лучше, тогда как в Девяткине, по оценкам жителей на форумах, она близка к критической. Таким образом, Девяткино считается менее привлекательным районом.

Наблюдения показывают, что типы объявлений и принципы коммуникации в районах Девяткино и Парнас в целом совпадают, поэтому они рассматриваются в одном разделе. Прежде чем перейти к описанию языкового ландшафта, общего для двух новых районов, отметим, что отличия относятся к количеству объявлений. В Девяткине в принципе больше разного рода неформальной рекламы: столбы и заборы вокруг стройплощадок представляют собой палимпсест из бумажных объявлений и нанесенных по трафарету надписей краской, тогда как на Парнасе объявления сосредоточены в основном только в общественной или

⁶ По данным портала «Бюллетень недвижимости», стоимость 1 кв. м на Парнасе составляет от 71 тыс. руб., в Девяткине – от 65 тыс. руб. Режим доступа: <http://www.bn.ru/zhilye-kompleksy> (дата обращения: 10.03.2017).

«ничей» зоне вокруг станции метро (столбы, временные пластмассовые ограждения проезда и т.д.), тогда как стены жилых домов и заборы вокруг действующих стройплощадок пусты, и видны следы закрашенных или содранных бумажных объявлений. Объяснением может служить как относительно более высокий статус района, так и контроль со стороны практически единственного застройщика.

Присутствие мигрантов отражено в пространстве обоих микрорайонов. Первая группа трудовых мигрантов — это участники строительства, обычно проживающие в вагончиках на строительной площадке. Поскольку в обоих районах процесс строительства идет параллельно с вводом уже построенных объектов (и они перемешаны между собой), коммерческие объекты обслуживают как постоянных жителей домов, так и строителей. После окончания строительства состав обитателей района частично меняется, но недорогая аренда жилья делает эти районы местом жительства для многих мигрантов, хотя это несколько иные группы, чем строители, в основном — торговцы из близлежащих магазинчиков и рынков, и др. Среди них выше доля видимых меньшинств из этнических регионов РФ и государств Закавказья, тогда как рабочие на стройке — преимущественно из Средней Азии (Узбекистан, в меньшей степени Таджикистан и Киргизия).

Рассмотрим (не)использование языков мигрантов в языковом ландшафте Девяткина и Парнаса, начиная с объявлений, ориентированных на мигрантов (как внутренних, так и со стороны принимающего сообщества), и заканчивая представлением этнических маркеров для внешнего потребителя. В Девяткине, где в принципе больше объявлений, на заборе можно обнаружить рекламу услуг стоматолога на узбекском: «*Тиш доктори! — тиш олиш, тиш куйиш — Окартириш, тошларини териш — 30 йил малакали доктор*» («Зубной врач! Лечение, удаление, протезирование, отбеливание, удаление зубного камня. Врач с 30-летним стажем» (рис. 3)). На Парнасе элементы узбекского языка в объявлениях появляются только в закрытых помещениях. Например, внутри очень маленького узбекского кафе-пекарни, куда во время наблюдения заходили только другие мигранты из Средней Азии, висит реклама парикмахерской (точнее, телефон и имя парикмахера (Максуд)), а также указана стоимость стрижки, внизу подписано «сартарошхона» (узб. парикмахерская).

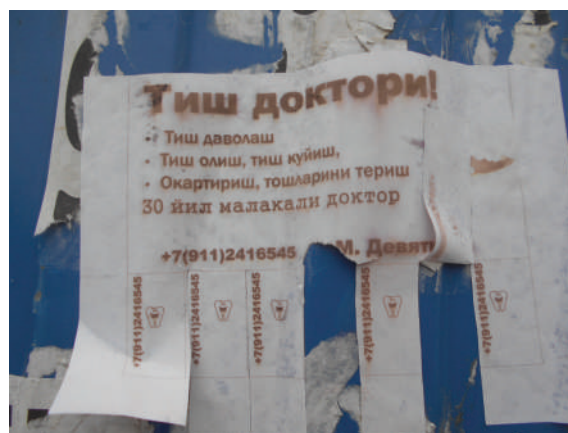

Фото © Влада Баранова, Капитолина Федорова

Рис. 3. Реклама услуг стоматолога на узбекском языке в Девяткине

Фото © Влада Баранова, Капитолина Федорова

Рис. 4. Реклама секс-услуг на Парнасе

Большая часть неформальных объявлений — реклама секс-услуг в виде разноцветных бумажных объявлений или рекламы на асфальте. Среди имен много «этнических» (Наргиз, Асал и проч.). Такие объявления преимущественно представлены на Парнасе, тогда как в Девяткине встречаются как русскоязычные объявления с «этническими» именами, так и объявления на узбекском: «Якши кизлар. Минг бир юз. руб» («Хорошие девочки. Тысяча рублей»); «Янги кизляр» («Новые девочки») (рис. 4).

Коммерческие объявления со стороны принимающего сообщества написаны исключительно на русском языке, хотя содержание многих из них ориентировано на мигрантов. Примеры в Девяткине: «Временная регистрация от собственника»; «Патент для граждан СНГ»; «Сниму запрет на въезд в Россию» и др. Парнас: «Разрешение на работу. Гражданство РФ. Консультации. Сопровождение» и др. Исключением, таким образом, является только реклама секс-услуг, если предполагать, что это местный бизнес, ориентированный на приезжих, аналогичный предоставлению

полулегальных документов и «сопровождению», позволяющему «снять запрет на въезд в Россию». В примыкающем к Парнасу микрорайоне около метро «Проспект Просвещения» (откуда удобнее добираться транспортом в некоторые жилые кварталы) внутри пункта обмена валюты и быстрого перевода денег за рубеж висит двуязычное объявление на русском и узбекском языках, запрещающее говорить по мобильному телефону в помещении (рис. 5).

В свою очередь, коммерческие предложения для внешнего потребителя со стороны мигрантов, в частности объявления с предложениями ремонта и подобных услуг или вывески и реклама кафе узбекской кухни и пекарен, также выполнены на русском языке, хотя и с элементами оформления, отсылающими к этническому коду (название, похожий на арабскую вязь узор, зеленый цвет и проч.). Возникающие этнические кафе ориентированы не только на представителей этнической группы, но и на всех потребителей.

Апраксин двор

В отличие от новых микрорайонов на окраинах города, микрорайон, включающий в себя рынок Апраксин двор, представляет собой совершенно иную форму городской среды. Для большого числа мигрантов это прежде всего место работы, хотя, как показывают наблюдения, этим набор его функций не исчерпывается. Пространственная организация также оказывается совершенно иной.

Апраксин двор (известный среди жителей города как «Апрашка») существует с середины XVIII в.; квартал, ограниченный Садовой улицей, Апраксиным переулком, набережной Фонтанки и ул. Ломоносова, был одним из крупнейших европейских рынков, а основная часть его застройки с торговыми рядами и павильонами относится ко второй половине XIX в. Все попытки властей города реконструировать Апраксин двор, сделав его современной инвестиционной зоной и переводя основную торговлю в торговые центры на окраины города⁷, не имели успеха. Жителями и гостями города, как показывают статьи в СМИ и комментарии к публикациям об Апраксином дворе в Интернете, рынок

воспринимается по-разному: для одних это «раковая опухоль», «клоака», «мерзкое торжище», набитое «толпами кишлачных баранов» и «оголтелыми покупателями китайских отбросов», для других — удобное и привычное место покупки «дешевых, но при этом довольно качественных товаров», для третьих — еще одна туристическая достопримечательность, «колорит», «часть истории», где ты «оказываешься в 90-х»⁸. По выражению одного из журналистов, «рынок сейчас напоминает Вавилонское столпотворение: цыгане, кавказцы, китайцы, вьетнамцы — кого тут только нет <...> ароматы восточной кухни, вонь от нечистот, грязь и бесконечная аляповатая реклама»⁹.

Помимо непосредственно торговых павильонов и уличных рядов Апраксин двор предоставляет своим посетителям и работникам широкий набор услуг. Здесь представлены заведения общепита, ремонтные и пошивочные мастерские, парикмахерские, салоны красоты, тату-салоны и т.д. Многие из них имеют этнический характер и, как правило, расположены в невидимых с улицы коридорах и закоулках исторической застройки, образуя как бы «второе дно» популярного рынка. Языковой ландшафт также меняется в зависимости от того, насколько открытой и публично ориентированной является коммуникация.

Основная часть рекламных и информационных объявлений на уличной территории Апраксина двора выполнена по-русски. Исключением является использование латиницы в части рекламных плакатов, причем чаще всего имеет место именно транслитерация русских слов (или, наоборот, кириллическая транслитерация английских слов), а не перевод на английский или другой язык¹⁰. Если в названиях магазинов, расположенных

7 С этой целью в 2008–2009 гг. был построен и открыт Гражданский рынок в Калининском районе на ул. Руставели, однако к анонсированному закрытию «Апрашки» это не привело.

8 Режим доступа: <http://www.ipetersburg.ru/apraksin-dvor-aprashka/> (дата обращения: 08.02.2017). Характерно, что максимально негативные отзывы об Апраксином дворе принадлежат достаточно обеспеченным жителям близлежащих домов, которых оскорбляет такое соседство. Характерное для Петербурга отсутствие пространственной сегрегации, о котором уже шла речь выше, воспринимается в данном случае как проблема.

9 Режим доступа: <https://ok-inform.ru/stroitelstvo/29205-apraksin-dvor-nashi-dni.html> (дата обращения: 08.02.2017).

10 Единственное исключение — полный перевод рекламного баннера одного из безымянных кафе на финский язык.

на близлежащих улицах, и в их ассортименте товаров нередко используются английские слова (чаще всего связанные со сферой компьютерной техники: digital, mp3 players, Ipad и т.п.), на территории Апраксина двора представлены, с одной стороны, например, “flash-opt” и “pled”, т.е. записанные латиницей русские слова «опт» и «плед», а с другой — «дэнс-шик», где английское dance записано кириллицей. По-видимому, здесь имеет место не переключение кодов, а лишь частичное копирование иностранных слов, однако подробное рассмотрение подобных случаев выходит за рамки данного исследования.

В остальных наружных объявлениях используется исключительно кириллическая графика. По-русски рекламируются и различные этнические кафе: «Кафе халал Баракат. Восточная кухня. Шаверма. Горячие лавашки. Выпечка из печи». Среди перечисленных в рекламе блюд — как общеизвестные манты, плов, лагман и шурпа, так и куда менее популярные мастава (узбекский суп) и куротоб (написанный как «куротоп», одно из главных блюд таджикской кухни). Название «Баракат» (араб. благословение, достаток) выполнено зеленым шрифтом, «халал» (т.е. соответствие требованиям ислама) упоминается трижды, таким образом, акцентируется не конкретная этническая группа (узбеки или таджики), а принадлежность к общей религиозной конфессии и условной «восточной» культурной парадигме (рис. 6). Очевидно, что данное заведение ориентируется на разные группы клиентов, а не только на «свою» этническую группу.

Отдельного комментария заслуживает частота встречающаяся характеристика того или иного заведения как *халального*. В Апраксинском дворе соседствуют оба варианта написания: «халал» и «халаль» (отражающие разные варианты записи арабских заимствований), но каждое конкретное заведение придерживается какого-то одного. При этом «Халаль» может использоваться даже вместо названия кафе (рис. 7).

Использование символических визуальных средств, а не непосредственно лингвистических для привлечения внимания как «внутренней», так и «внешней» аудитории характерно для маркетинговых стратегий этнических заведений Апраксина двора. Типичный пример — кафе «Шахмар», название которого выполнено шрифтом, стилизованным под арабскую вязь (рис. 8). Единственный

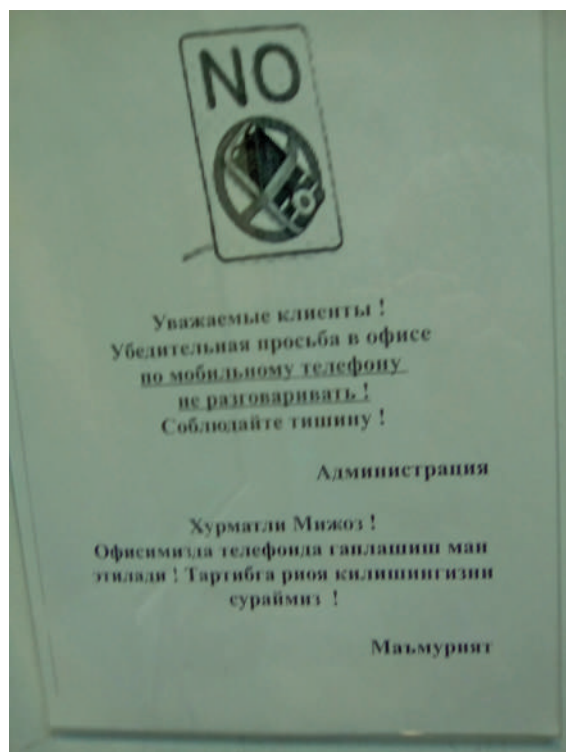

Фото © К.В. Викторова

Рис. 5. Объявление на русском и узбекском языках в пункте обмена валюты рядом с метро «Проспект Просвещения»

Фото © Влада Баранова, Капитолина Федорова

Рис. 6. Реклама этнического кафе «Баракат» на рынке Апраксин двор, Санкт-Петербург

Фото © Влада Баранова, Капитолина Федорова

Рис. 7. Кафе «Халяль», Апраксин двор

Фото © Влада Баранова, Капитолина Федорова

Рис. 8. Кафе «Шахмар», Апраксин двор

Фото © Влада Баранова, Капитолина Федорова

Рис. 9. Парикмахерская, Апраксин двор

случай, когда язык мигрантов (узбекский) встречается в открытом публичном пространстве Апраксина двора, — вывеска, на которой ниже написанного в два раза более крупным желтым шрифтом слова «парикмахерская» белыми буквами выведено «сартарошхонаи «Ходжи Мирзо»» (узб. «парикмахерская») (рис. 9). Фотография мужчины-модели на вывеске не имеет явно выраженных отсылок к этнической принадлежности.

В закрытой части Апраксина двора — в коридорах второго и третьего этажей, куда обычно не доходит большинство посетителей, так как там практически нет торговых точек с обычным рыночным ассортиментом, — языковой ландшафт меняется. Наряду с русскоязычными объявлениями и рекламой здесь возникают дублирующие надписи на китайском, а также плакаты и распечатанные на принтере объявления, полностью выполненные на китайском языке. В непосредственной близости здесь находятся магазин «восточных» продуктов (китайские, корейские, вьетнамские специи, соусы, лапша и т.п.), китайское кафе и парикмахерская. Из этих трех объектов парикмахерская представляется наиболее «закрытой» с коммуникативной точки зрения: все рекламирующие ее объявления, как и надписи непосредственно на входе (кроме информации о местоположении — корпус, этаж и секция), сделаны исключительно на китайском языке, а в рекламе используются азиатские лица (с модной в Восточной Азии «европеизированной» внешностью и осветленными волосами) (рис. 10). В магазине подписи к товарам выполнены по-китайски, русскими можно счесть лишь обозначения цен: «150 р», «220 р».

Китайское кафе под названием «China столовая» (т.е. сочетание английского и русского слов) представляет собой наиболее интересный случай. В его рекламе, которую можно увидеть на улице у входа в здание, «китайскость», помимо англоязычного определения, обозначается только символическим изображением палочек для еды и, возможно, некоторой стилизацией букв в сторону иероглифических изображений (рис. 11). Баннер у входа в кафе на втором этаже, в отличие от «внешнего» баннера, содержит уже повторяющееся (по обе стороны от русского слова «столовая») китайское название. При этом китайский язык начинает как бы диктовать правила игры: надпись сделана вертикально, столбиком, традиционным для Китая спосо-

бом письма, и русское слово в центре также записывается сверху вниз (рис. 12). Внутри кафе китайские надписи доминируют, они крупнее и встречаются чаще, чем русский перевод, и все временные надписи (меню дня, записанное мелом на доске, принятые заказы, которые фиксируются в тетради) делаются только по-китайски. В некоторых случаях переводы названий блюд на русский язык («обложка кулинария») свидетельствуют, что их делал не носитель русского языка, и в целом ситуация напоминает использование русского языка в ориентированных на русских туристов приграничных городах Китая, таких как Маньчжурия (см. [Федорова, 2014]).

Наконец, еще один пример использования китайского языка в «закрытом» пространстве Апраксина двора — выполненный от руки иероглифами перевод объявления о запрете курения (рис. 13), который выглядит как попытка администрации здания, отчаявшейся призвать к порядку китайцев-курильщиков, прибегнуть к помощи носителей китайского языка (китайская надпись сделана скорописью, но текст не переведен полностью и буквально по-китайски написано только «курить запрещено»).

Прилегающие к Апраксину двору улицы и дворы с точки зрения языкового ландшафта в большей степени напоминают Девяткино и Парнас, точнее, их «открытые» участки. Здесь также ориентированные на мигрантов объявления («Регистрация в РФ») пишутся исключительно по-русски, и только реклама секс-услуг, помимо «этнических» имен, иногда задействует узбекский язык.

Дискуссия

Успешная интеграция — двусторонний процесс, предполагающий вовлечение и принимающего сообщества, и новых жителей [Малахов, 2014]. По-видимому, в Петербурге проникновение новых практик в жизнь принимающего сообщества все же происходит, хотя преимущественно в сфере питания: заведения среднеазиатской кухни последнее время стали чаще встречаться и, что важнее, это уже не только ларьки с шавермой, но и кафе/рестораны для среднего класса, небольшие будки с выпечкой из тандыра — не только на рынках «для своих», но и на улицах обычных районов. Само слово *тандыр* за последние годы вошло в лексикон горожан. Однако разнообразие российских городов

Фото © Влада Баранова, Капитолина Федорова

Рис. 10. Вывеска парикмахерской в «закрытой» части Апраксина двора

Фото © Влада Баранова, Капитолина Федорова

Рис. 11. Уличный рекламный баннер китайского кафе «China столовая»

повышается достаточно медленно по сравнению с другими мегаполисами — повседневная реальность Лондона, например, как ее описывает Д. Блок [Block, 2006], выглядит гораздо более пестрой и визуальной, и лингвистически, чем описанная выше ситуация.

Парадоксальным образом, несмотря на широкое обсуждение темы миграции, мас-

Фото © Влада Баранова, Капитолина Федорова

Рис. 12. Баннер у входа в кафе, Апраксин двор

Фото © Влада Баранова, Капитолина Федорова

Рис. 13. Объявление о запрете курения в «закрытой» части Апраксина двора

штабы изменений, по-видимому, не осознаются принимающим сообществом. Публичные дискуссии о миграции часто принимают

ксенофобский характер, а в центре внимания оказываются проблемы границ и регулирования численности мигрантов, но не вопросы о том, как должна быть организована городская жизнь для интеграции приезжих из регионов и других стран, кто приезжает и что нового они привносят в городскую культуру.

Исследования показывают, что представленность мигрантов в публичном пространстве Москвы не соответствует их численности и участию в экономической жизни больших городов. Мигрантские сети функционируют как своего рода «второе общество» [Тюрюканова, 2009] (см. более подробное описание разных типов мигрантских сообществ в работе [Варшавер, Рочева, 2014]). Официальная языковая политика не предполагает каких-то специальных норм и программ языковой поддержки для мигрантов, более того, публикация, например, данных переписей населения способствует поддержанию «монолингвального фасада» [Baranova, Fedorova, forthcoming]. Согласно переписи 2010 г., около 96% населения Москвы и более 92% населения Санкт-Петербурга, указавшие свою национальную принадлежность, являлись русскими, а знание русского языка декларировали более 99% жителей как Москвы, так и Петербурга.

Результаты изучения языкового ландшафта Петербурга в целом подтверждаются данными социологических исследований. Языки мигрантов очень мало, непропорционально их доле в населении, представлены в городском пространстве. По сути, в общедоступном ландшафте оказываются лишь весьма специфические объявления о секс-услугах и, очень редко, двуязычная реклама, прочие адресованные мигрантам сообщения обходятся без использования лингвистических ресурсов. Данная ситуация не является типичной, хотя подобные примеры и встречаются в научной литературе. Например, в небольшом городе в штате Орегон (США) более 30% испаноязычных жителей, но доля испанского языка в языковом ландшафте значительно меньше, и он присутствует только в определенных зонах — мексиканском ресторане, этнических магазинах и т.п. [Troyer et al., 2015]. Такое «угнетение» языков мигрантов может рассматриваться как результат сознательной языковой политики, причем чаще всего на низовом, муниципальном уровне [Backhaus, 2012]. Еще один характерный пример — значимое отсутствие азербайджанского языка и доминирование фарси в языковом ландшафт

те иранского города Табриз, где живет около 2 млн азербайджанцев [Mirvahedi, 2016], что связано с весьма жесткой языковой политикой.

Внутренняя коммуникация, в меньшей степени предназначенная для глаз носителей языка большинства, более разнообразна. При этом интересный момент связан с выбором языка. Все не слишком многочисленные встреченные объявления или фрагменты двуязычных объявлений (помимо случая китайских материалов Апраксина двора) написаны на узбекском и на кириллице с минимальным использованием специальных символов для передачи фонем, отсутствующих в русском. Интерес представляет выбор как языка, так и алфавита.

Узбекский — язык наиболее значительной в количественном отношении группы мигрантов в Санкт-Петербурге¹¹, однако объявления на узбекском могут быть адресованы не только этническим узбекам. С одной стороны, тюркские языки достаточно близки между собой, и носители киргизского и азербайджанского языков частично понимают эти объявления. С другой стороны, длительные языковые контакты привели к тому, что часть киргизов (языковое меньшинство в Узбекистане, в первую очередь в Ферганской долине) владеет узбекским, а в таджикском (иранская группа) много заимствований из узбекского. Однако выбор именно узбекского в качестве своего рода общетюркского койне отражает влияние этой этнической группы. Наблюдения авторов за коммуникацией на форумах, предназначенных для узбекских мигрантов, показывают, что носители других тюркских языков также используют эти сайты и, по-видимому, стремятся писать на узбекском¹².

Использование латиницы или кириллицы — один из дискуссионных моментов в

Узбекистане. Хотя в 1993 г. был принят закон «О введении узбекского алфавита, основанного на латинской графике», де-факто в стране используются обе системы письма [Schlyter, 1998]. Например, на сайте правительства Узбекистана можно выбрать узбекскую страницу в латинской и в кириллической транскрипциях, тогда как виртуальная приемная президента представлена только на кириллице, а единый интерактивный портал государственных услуг — только на латинице¹³. Выбор именно кириллицы в объявлениях в Петербурге может быть связан как с тем, что в бытовой сфере в Узбекистане кириллица по-прежнему более распространена, так и с влиянием русского языкового окружения, стремлением «не выделяться».

Анализ письменной коммуникации в языковом ландшафте Петербурга с точки зрения ее направленности (т.е. с учетом того, кто создает соответствующие сообщения и кто является их адресатом) показывает следующее: в абсолютном большинстве случаев использования языков мигрантов и адресантом, и адресатом текста оказываются носители этих языков, т.е. коммуникация ограничена внутренним кругом мигрантского сообщества и не направлена на взаимодействие с языковым большинством, более того, ее непубличный характер позволяет этому большинству игнорировать существование в городе иных языков помимо русского.

В ситуации, когда направленное на мигрантов сообщение инициировано носителями русского языка, и особенно если оно направлено «сверху вниз» (от представителей власти или непосредственного руководства), с высокой вероятностью будет использован русский язык. В отдельных случаях возможно привлечение посредников из числа носителей языков меньшинства для дублирования сообщений на соответствующий язык, но в целом «низовая» языковая политика как бы предполагает, что мигрант обязан владеть русским языком (на «высоком» законодатель-

11 По данным Управления Федеральной службы государственной статистики по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, узбеки составляли самую крупную группу из числа прибывших в СПб из стран СНГ (10 992 из 28 449 в 2012 г., 27 867 из 56 497 в 2013 г. и 28 355 из 62 120 в 2014 г. соответственно) и лишь в последние годы уступили гражданам Украины, Казахстана и Белоруссии, одновременно возросло число убывших граждан Узбекистана. Режим доступа: <http://petrostat.gks.ru/> (дата обращения: 11.03.2017).

12 Мы благодарим М.З. Муслимова, отметившего киргизскую огласовку ряда сообщений «на узбекском» на сайте uzbek.ru.

13 O'zbekiston Respublikasi Hukumat portalini <https://www.gov.uz/uz> и Ўзбекистон Республикаси Хукумат портални. Режим доступа: <https://www.gov.uz/uz> (дата обращения: 25.01.2017).
Ўзбекистон Республикаси Президенти Шавкат Миромонович Мирзиёевнинг виртуал қабулхонаси. Режим доступа: <https://pm.gov.uz/uz> (дата обращения: 25.01.2017).
Yagona interaktiv davlat xizmatlari portalini. Режим доступа: <https://my.gov.uz/uz> (дата обращения: 25.01.2017).

ном уровне это представление подкрепляется действующей с 2013 г. поправкой к закону «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»).

Еще одна возможная коммуникативная ситуация — когда язык меньшинства становится частью сообщения, адресованного языковому большинству, — также практически не представлена в языковом ландшафте Петербурга. Как уже упоминалось во введении, для этнических районов и заведений большинства западных городов характерно использование языка этнической группы или его элементов (графики, отдельных слов) для привлечения клиентов к товарам и услугам, воспринимаемым как этнические¹⁴. Однако в петербургском языковом ландшафте языки меньшинств в рекламных целях используются крайне ограниченно: это или сообщения, адресованные своей этнической группе (или нескольким этническим группам в случае использования узбекского языка как лингва франка), или сообщения, не использующие собственно лингвистические средства языков меньшинств, а лишь некоторые культурные стереотипы (цвет, стилизация шрифта, «этнические» названия блюд). В этом смысле весьма характерны различия между «открытой», представленной в общедоступном публичном пространстве коммуникацией и «закрытой», ориентированной на членов группы, существующей в основном в закрытых помещениях и вдали от посторонних глаз. Двухязычные знаки в этом смысле являются дублирующими в терминологии Бакуса [Backus, 2007], они направлены на разные группы адресатов и не предполагают билингвального восприятия. Показателен в этом отношении пример китайской столовой в Апраксином дворе, уличная реклама которой не использует китайский язык, тогда как во внутреннем пространстве он явно доминирует, а русский

14 Яркий пример такого рода — Чайна-тауны Лондона, Нью-Йорка, Вашингтона и других городов, в которых двухязычные объявления и реклама — абсолютная норма. Согласно исследованию, проведенному в вашингтонском Чайна-тауне, двухязычные вывески используют 82% китайских заведений и 69% неазиатских заведений района [Lou, 2009].

язык становится вспомогательным средством. Четкая пространственная локализация языков свидетельствует о том, что публичное пространство города не воспринимается его жителями как сфера, в которой уместным и привлекательным стало бы языковое разнообразие.

Заключение

Проведенное исследование репрезентации языков мигрантов в визуальном пространстве Санкт-Петербурга показало, что, несмотря на растущую роль в экономической и социальной жизни города, мигранты оказываются не вполне видимы для его жителей и вынуждены создавать собственную параллельную городскую реальность вне публичного пространства. Тот факт, что языковой ландшафт Санкт-Петербурга не в полной мере репрезентирует существующее в нем языковое разнообразие, отчасти можно объяснить ожиданиями большинства, не готового на данном этапе принять факт сосуществования с другими этноязыковыми группами. Установка на языковое единообразие, неприятие чужой речи, «ломаного языка» — тот фон, на котором происходит взаимодействие мигрантов и принимающего сообщества.

Анализ языкового ландшафта, таким образом, — не инструмент собственно обнаружения языков, т.е. констатации существующей языковой ситуации, а способ выявления недопредставленности определенных социальных и/или этнических групп. Монолингвальный фасад российского мегаполиса продолжает скрывать за собой повседневное языковое и культурное разнообразие, которое, как и все тайное и скрытое, кажется непонятым и пугающим его жителям. Как может развиваться эта ситуация в дальнейшем? Станет ли Петербург более толерантным к чужой речи? Сможет ли увидеть и принять в себя другие языки и культуры, что было так характерно для него в XVIII и XIX вв.? Как представляется, дальнейшие наблюдения за языковым ландшафтом города и его постепенными изменениями могут помочь в поиске ответов на эти и другие вопросы.

Источники

- Александров Д.А., Кондратьев М.А. Городская сегрегация: модели и перспективы исследования в российских городах: презентация доклада на заседании совместного междисциплинарного семинара Леонтьевского центра, СИ РАН, НИУ ВШЭ и СПб ЭМИ РАН, 12 марта 2013 г. Режим доступа: <http://leontief-centre.ru/UserFiles/Files/ALKon.pdf> (дата обращения: 01.12.2016).
- Бредникова О., Запорожец О. Ветер, усталость и романтика ночи (об особенностях новых жилых массивов) // *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. 2016. Т. 8. № 2. С. 103–119.
- Варшавер Е., Рочева А. Сообщества мигрантов в Москве: Механизмы возникновения, функционирования и поддержания // Новое литературное обозрение. 2014. № 127 (3). Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/5184#sthash.JIRuwHOC.dpuf> (дата обращения: 01.12.2016).
- Вендина О. Мигранты в Москве. Грозит ли российской столице этническая сегрегация? М.: Институт географии РАН, 2005.
- Вендина О.И. Культурное разнообразие и «побочные» эффекты этнокультурной политики в Москве // *Иммигранты в Москве* / отв. ред. Ж.А. Зайончковская. М.: Три Квадрата, 2009. С. 45–147.
- Деминцева Е., Пешкова В.М. Мигранты из Средней Азии в Москве // *Демоскоп Weekly*. 2014. 5–18 мая. № 597–598. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php?> (дата обращения: 22.01.2017).
- Малахов В.С. Интеграция мигрантов: европейский опыт и перспективы России: рабочая тетрадь / Российский совет по международным делам. М.: Спецкнига, 2014.
- Пешкова В.М. Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // *Мир России. Социология. Этнология*. 2015. Т. 24. № 2. С. 129–151.
- Тюрюканова Е.В. Трудовые мигранты в Москве: «второе общество» // *Иммигранты в Москве* / отв. ред. Ж.А. Зайончковская. М.: Три Квадрата, 2009. С. 148–175.
- Федорова К. Маньчжурия: приграничный город – город на экспорт // *Приграничный урбанизм: имперская и постимперская практики*. М.; Улан-Удэ, 2014. С. 126–151.
- Backhaus P. *Linguistic landscapes: a comparative study of urban multilingualism in Tokyo*. Clevedon: Multilingual Matters, 2007.
- Backhaus P. *Language policy at the municipal level* // *The Cambridge handbook of language policy* / B. Spolsky (ed.). Cambridge University Press, 2012. P. 226–242.
- Baranova V., Fedorova K. forthcoming Moscow: Diversity in disguise // *Metrolinguistics: urban language life around the world* / P. Heinrich, D. Smakman (eds). (forthcoming).
- Ben-Rafael E., Ben-Rafael M. Berlin's linguistic landscapes: two faces of globalization // *Negotiating and contesting identities in linguistic landscapes* / R. Blackwood, E. Lanza, H. Woldemariam (eds). Oxford: Bloomsbury Academic, 2016. P. 197–212.
- Block D. *Multilingual identities in a global city*. London stories. Palgrave Macmillan, 2006.
- Blommaert J. *Ethnography, superdiversity, and linguistic landscapes: chronicles of complexity*. Bristol: Multilingual Matters, 2013.
- Blommaert J. "Meeting of Styles" and the online infrastructures of graffiti // *Applied Linguistics Review*. 2016a. Vol. 7. No. 2. P. 99–115.
- Blommaert J. The conservative turn in Linguistic Landscape Studies. 2016b. Режим доступа: <https://alternative-democracy-research.org/2016/01/05/the-conservative-turn-in-linguistic-landscape-studies/> (дата обращения: 18.12.2016).
- Blommaert J., Maly I. *Ethnographic Linguistic Landscape Analysis and social change: A case study*. Tilburg Papers in Culture Studies 100. 2014. Режим доступа: https://www.tilburguniversity.edu/upload/6b650494-3bf9-4dd9-904a-5331a0bcf35b_TPCS_100_Blommaert-Maly.pdf (дата обращения: 18.12.2016).
- Blommaert J., Rampton B. *Language and Superdiversity* // *Diversities*. 2011. Vol. 13. No. 2. P. 1–22.
- Bruyèl-Olmedo A., Juan-Garau M. English as a lingua franca in the linguistic landscape of the multilingual resort of S'Arenal in Mallorca // *International Journal of Multilingualism*. 2010. Vol. 6. No. 4. P. 386–411.
- Gorter D. (ed.) *Linguistic landscape: a new approach to multilingualism*. Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual matters, 2006.
- Gorter D., Marten H., Mensel van L. (eds) *Minority languages in the linguistic landscape*. Palgrave Macmillan, 2012.
- Landry R., Bourhis R. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: an empirical study // *Journal of Language and Social Psychology*. 1997. Vol. 16. P. 23–49.
- Lou J. *Situating linguistic landscape in time and space: A multidimensional study of the linguistic construction of Washington, DC Chinatown*. PhD thesis, Georgetown University. 2009.
- Massey D. Reflections on the Dimensions of Segregation // *Social Forces*. 2012. Vol. 91. No. 1. P. 39–43.

- Massey D., Denton N. The dimensions of residential segregation // *Social Forces*. 1988. Vol. 67. No. 2. P. 281–315.
- Mirvahedi S.H. Linguistic landscaping in Tabriz, Iran: a discursive transformation of a bilingual space into a monolingual place // *International Journal of the Sociology of Language*. 2016. Vol. 242. P. 195–216.
- Otsuji E., Pennycook A. Metrolingualism: fixity, fluidity and language in flux *International Journal of Multilingualism* 2010. Vol. 7. No. 3. P. 240–254.
- Pennycook A. *Language as a local practice*. Routledge, 2010.
- Piller I. (ed.) *Language and migration*. L.: Routledge, 2016.
- Portes A., Shafer S. Revisiting the enclave hypothesis: Cuban Miami twenty-five years later // *The Sociology of Entrepreneurship (Research in the Sociology of Organizations)*. Vol. 25 / M. Ruef, M. Lounsbury (eds). Emerald Group Publishing Limited, 2007. P. 157–190.
- Ricento Th. *Language policy: theory and practice: an introduction* // *An introduction to language policy: theory and method* / Th. Ricento (ed.). Malden: Blackwell, 2006. P. 10–23.
- Sassen S. *The global city*. New York, London, Tokyo. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1991.
- Schlyter B.N. New language laws in Uzbekistan // *Language Problems & Language Planning*. 1998. Vol. 22. No. 2. P. 143–181.
- Shohamy E., Ben-Rafael E., Barni M. (eds) *Linguistic landscape in the city*. Bristol; Buffalo; Toronto: Multilingual matters, 2010.
- Spolsky B. *Language management*. Cambridge University Press, 2009.
- Troyer A., Cáceda C., Giménez Eguívar P. Unseen Spanish in small-town America: a minority language in the linguistic landscape // *Conflict, exclusion and dissent in the linguistic landscape* / R. Rubdy, S. Said (eds). Palgrave Macmillan, 2015. P. 52–76.
- Vertovec S. Migration and new diversities in global cities: comparatively conceiving, observing and visualizing diversification in urban public spaces: MMG Working Paper 11-08. 2011. Режим доступа: http://pubman.mpg.de/pubman/item/escidoc:1388649:3/component/escidoc:1388648/WP_11-08_Vertovec_GlobaldiverCities.pdf (дата обращения: 18.01.2017).
- Vertovec S. (ed.) *Diversities old and new: migration and socio-spatial patterns in New York, Singapore and Johannesburg*. Palgrave Macmillan, 2015.
- Zhou M., Logan J.R. Returns on human capital in ethnic enclaves: New York City's Chinatown // *American Sociological Review*. 1989. Vol. 54. No. 5. P. 809–820.

VLADA BARANOVA, KAPITOLINA FEDOROVA
(IN)VISIBILITY AND (NON)EXISTENCE:
LABOR MIGRANTS AND THE ST. PETERSBURG LINGUISTIC LANDSCAPE

References

- Aleksandrov D.A., Kondrat'ev M.A. *Gorodskaja segregaciya: modeli i perspektivy issledovaniya v rossijskih gorodah*. Prezentaciya doklada na Zasedanii sovmejnogo mezhdisciplinarnogo seminaru Leont'evskogo centra, SI RAN, NIU VShE i SPb EMI RAN, 2013 [Urban segregation: models and perspectives of research in Russian cities. Paper presented on joint interdisciplinary seminar of Leontiev's center, SI of RAS, NRU HSE and SPb EMI RAS]. Available at: <http://leontief-centre.ru/UserFiles/Files/AlKon.pdf>. (accessed 01.12.2016) (In Russian)
- Backhaus P. Language policy at the municipal level. *The Cambridge handbook of language policy* / B. Spolsky (ed.). Cambridge University Press, 2012, pp. 226–242.
- Backhaus P. *Linguistic landscapes: a comparative study of urban multilingualism in Tokyo*. Clevedon: Multilingual Matters, 2007.
- Baranova V., Fedorova K. (forthcoming) Moscow: Diversity in disguise. *Metrolinguistics: urban language life around the world* (forthcoming) / P. Heinrich, D. Smakman (eds). (In Russian)
- Ben-Rafael E., Ben-Rafael M. Berlin's linguistic landscapes: two faces of globalization. *Negotiating and contesting identities in linguistic landscapes* / R. Blackwood, E. Lanza, H. Woldemariam (eds). Oxford: Bloomsbury Academic, 2016, pp. 197–212.
- Block D. *Multilingual identities in a global city. London stories*. Palgrave Macmillan, 2006.
- Blommaert J. "Meeting of Styles" and the online infrastructures of graffiti. *Applied Linguistics Review*, 2016a, vol. 7, no 2, pp. 99–115.
- Blommaert J. *Ethnography, superdiversity, and linguistic landscapes: chronicles of complexity*. Bristol: Multilingual Matters, 2013.
- Blommaert J., Maly I. Ethnographic Linguistic Landscape Analysis and social change: A case study. *Tilburg Papers in Culture Studies* 100, 2014. Available at: https://www.tilburguniversity.edu/upload/6b650494-3bf9-4dd9-904a-5331a0bcf35b_TPCS_100_Blommaert-Maly.pdf. (accessed 18.12.2016)
- Blommaert J., Rampton B. Language and Superdiversity. *Diversities*, 2011, vol. 13, no 2, pp. 1–22.

Vlada Baranova, PhD, Associated Professor of National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg); 55/2, Sedova Street, St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: vbaranova@hse.ru

Kapitolina Fedorova, PhD, Associated Professor at the Department of Anthropology, European University at St. Petersburg; 3, Gagarinskaya Street, St. Petersburg 191187, Russian Federation

E-mail: fedorova@eu.spb.ru

Abstract

This article deals with the modern linguistic landscape of St. Petersburg, with a focus on the ways it represents the languages of migrants from Central Asia and China. Linguistic-landscape studies are traditionally believed to reflect the actual linguistic situation in a given region. Nevertheless, actual multilingualism of Russian cities, – resulting, for example, from migration to megalopolises – is not always reflected in the linguistic landscape, since both official language policy and a majority's attitudes and linguistic ideologies can prevent such a reflection. This article is based on data gathered in 2016 during fieldwork in different parts of St. Petersburg (Devyatkino, Parnas, and Apraksin Dvor), and it analyzes directions of communication and main domains in which migrant languages can be used in written form and the level to which these languages can be found in observable and open urban spaces. As a result, this study of public signs, advertisements, signboards, and other written communication in the city's public spaces not only provides us with information on languages other than Russian, but it evaluates the roles these languages have to play in the context of a domineering linguistic ideology of monolingualism that officially and popularly does not support language diversity.

Key words: linguistic landscape; migrant languages; language diversity; language policy; language attitudes

Blommaert J. The conservative turn in Linguistic Landscape Studies. 2016b. Available at: <https://alternative-democracy-research.org/2016/01/05/the-conservative-turn-in-linguistic-landscape-studies/>. (accessed 18.12.2016)

- Brednikova O., Zaporozhets O. Veter, ustalost' i romantika nochi (ob osobennostyakh novykh zhilykh massivov) [Wind, tiredness and night romanticism]. *Laboratorium: Zhurnal sotsial'nykh issledovanij* [Laboratorium: Journal of Social Researches], 2016, vol. 8, no 2, pp. 103–119. (In Russian)
- Bruyèl-Olmedo A., Juan-Garau M. English as a lingua franca in the linguistic landscape of the multilingual resort of S'Arenal in Mallorca. *International Journal of Multilingualism*, 2010, vol. 6, no 4. pp. 386–411.
- Demintseva E., Peshkova V. Migrants from Central Asia in Moscow. *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly], 2014, 5–18 May, no 597–598. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php?> (addressed: 22.01.2017)
- Fedorova K. Man'chzhuriya: prigranichnyj gorod – gorod na eksport [Manzhouli: border city – export city]. *Prigranichnyj urbanism: imperskaya i postimperskaya praktiki* [Border urbanism: imperial and post-imperial practices]. Moscow; Ulan-Ude, 2014, pp. 126–151. (In Russian)
- Gorter D. (ed.) *Linguistic landscape: a new approach to multilingualism*. Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual matters, 2006.
- Gorter D., Marten H., Mensel van L. (eds) *Minority languages in the linguistic landscape*. Palgrave Macmillan, 2012.
- Landry R., Bourhis R. Linguistic landscape and ethno-linguistic vitality: an empirical study. *Journal of Language and Social Psychology*, 1997, vol. 16, pp. 23–49.
- Lou J. *Situating linguistic landscape in time and space: A multidimensional study of the linguistic construction of Washington, DC Chinatown*. PhD thesis, Georgetown University, 2009.
- Malakhov V. *Integratsiya migrantov: evropejskij opyt i perspektivy Rossii: rabochaya tetrad'* / Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam [Migrants' integration: European experience and Russia's perspectives: Working paper / Russian Council on International Affairs]. Moscow: Spetskniga [Special book], 2014. (In Russian)
- Massey D. Reflections on the Dimensions of Segregation. *Social Forces*, 2012, vol. 91, no 1, pp. 39–43.
- Massey D., Denton N. The Dimensions of Residential Segregation. *Social Forces*, 1988, vol. 67, no 2, pp. 281–315.
- Mirvahedi S.H. Linguistic landscaping in Tabriz, Iran: a discursive transformation of a bilingual space into a monolingual place. *International Journal of the Sociology of Language*, 2016, vol. 242, pp. 195–216.
- Otsuji E., Pennycook A. Metrolinguism: fixity, fluidity and language in flux. *International Journal of Multilingualism*, 2010, vol. 7, no 3, pp. 240–254.
- Pennycook A. *Language as a local practice*. Routledge, 2010.
- Peshkova V.M. Infrastruktura trudovykh migrantov v gorodah sovremennoj Rossii (na primere migrantov iz Uzbekistana i Kirgizii v Moskve) [Migrant infrastructure in Russian Cities (the case of labour migrants from Uzbekistan and Kyrgyzstan in Moscow)]. *Mir Rossii. Sociologija. Etnologiya* [The world of Russia. Sociology. Ethnology], 2015, vol. 24, no 2, pp. 129–151. (In Russian)
- Piller I. (ed.) *Language and migration*. London: Routledge, 2016.
- Portes A., Shafer S. Revisiting the Enclave Hypothesis: Miami Twenty-five Years Later. *The Sociology of Entrepreneurship* (Research in the Sociology of Organizations, vol. 25) / M. Ruef, M. Lounsbury (eds). Emerald Group Publishing Limited, 2007, pp. 157–190.
- Ricento Th. Language policy: theory and practice: an introduction. *An introduction to language policy: theory and method* / Th. Ricento (ed.). Malden: Blackwell, 2006, pp. 10–23.
- Sassen S. *The global city. New York, London, Tokyo*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1991.
- Schlyter B.N. New language laws in Uzbekistan. *Language Problems & Language Planning*, 1998, vol. 22, no 2, pp. 143–181.
- Shohamy E., Ben-Rafael E., Barni M. (eds) *Linguistic landscape in the city*. Bristol; Buffalo; Toronto: Multilingual matters, 2010.
- Spolsky B. *Language management*. Cambridge University Press, 2009.
- Troyer A., Cáceda C., Giménez Eguíbar P. Unseen Spanish in small-town America: a minority language in the linguistic landscape. *Conflict, exclusion and dissent in the linguistic landscape* / R. Rubdy, S. Said (eds). Palgrave Macmillan, 2015, pp. 52–76.
- Tyuryukanova E. Trudovye migranty v Moskve: "vtoroe obschestvo" [Labour migrants in Moscow: the "second society"]. *Immigranty v Moskve* [Immigrants in Moscow] / Zh. Zajonchkovskaya (ed.). Moscow: Tri Kvadrata [Three Squares], 2009, pp. 148–175. (In Russian)
- Varshaver E., Rocheva A. Soobschestva migrantov v Moskve: Mekhanizmy vozniknoveniya, funkcionirovaniya i podderzhaniya [Migrant communities in Moscow: mechanisms of emergence, functioning and maintenance]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary observer], 2014, no 127 (3). Available at: <http://www.nlobooks.ru/node/5184#sthash.JIRuwH0C.dpuf>. (accessed 01.12.2016) (In Russian)
- Vendina O. Kul'turnoe raznoobrazie i "pobochnye" efekty etnokul'turnoj politiki v Moskve [Cultural diversity and "side effects" of ethno-cultural policy in Moscow]. *Immigranty v Moskve* [Immigrants in Moscow] / Zh. Zajonchkovskaya (ed.). Moscow: Tri Kvadrata [Three Squares], 2009, pp. 45–147. (In Russian)

- Vendina O. *Migranty v Moskve. Grozit li rossijskoj stolitse etnicheskaya segregatsiya?* [Migrants in Moscow. Is there any threat of ethnic segregation in the capital of Russia?]. Moscow: Tsentr migratsionnykh issledovaniy Instituta geografii RAN [The Centre of Migration Studies, Institute of Geography RAS], 2005. (In Russian)
- Vertovec S. (ed.) *Diversities old and new: migration and socio-spatial patterns in New York, Singapore and Johannesburg*. Palgrave Macmillan, 2015.
- Vertovec S. *Migration and new diversities in global cities: comparatively conceiving, observing and visualizing diversification in urban public spaces*. MMG Working Paper 11-08, 2011. Available at: http://pubman.mpdl.mpg.de/pubman/item/escidoc:1388649:3/component/escidoc:1388648/WP_11-08_Vertovec_GlobaldiverCities.pdf. (accessed 18.01.2017)
- Zhou M., Logan J.R. Returns on human capital in ethnic enclaves: New York City's Chinatown. *American Sociological Review*, 1989, vol. 54, no 5, pp. 809–820.